

ВОЙНА: ДЕЙСТВИЕ I (1914 - 1915)

Первые реакции

Лето 1914 года выдалось в России жарким. Все, у кого была такая возможность, покидали большие города, уезжали в деревню или на побережье. В среде русских символистов внешне царили мир и покой. Валерий Брюсов снимал дачу в деревне Опалиха под Москвой, Вячеслав Иванов уехал в Петровское на Оке в Костромской губернии. Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус спасались от городской духоты в деревеньке Сиверская недалеко от Санкт-Петербурга. Александр Блок, как обычно, проводил лето в родовом имении Шахматово Клинского уезда. Федор Сологуб уже второе лето подряд выезжал в эстонское местечко Тойла на побережье Балтийского моря. Константин Бальмонт и Андрей Белый находились за границей. Бальмонт намеревался приехать в Россию с курсом лекций, а пока на лето выехал из Парижа в приморский городок Сулак-сюр-Мер. Белый в Швейцарии с другими последователями философа Рудольфа Штейнера трудился над строительством антропософского храма в деревне Дорнах в окрестностях Базеля.

И все же приближающаяся война давала о себе знать по некоторым внешним признакам. Если международные отношения России с ведущими европейскими державами казались на тот момент вполне урегулированными, внутривластная обстановка в стране была крайне нестабильной. В Петрограде назревала новая революционная ситуация, грозившая забастовками и уличными столкновениями. Партии левого крыла на этот раз оставались несколько в стороне, и русская интеллигенция, которая за годы реакции отчасти отстранилась от участия в решении социальных и политических вопросов, была захвачена врасплох новым подъемом революционного движения. Для творческих умов изнурительная жара и запах гари лесных пожаров служил более угрожающим предзнаменованием грядущих катаклизмов, чем нарастающая конкуренция больших держав в претензии на мировое господство или конфликты на Балканах. Гиппиус писала в дневнике о «резкой красноватой дымке», всё лето расползавшейся над страной и предвещавшей беспокойную осень. Белый в Швейцарии в поиске мистических внешних знаков, выражающих внутренние процессы изменяющейся жизни, так же видел в мучительной духоте и багряном небе приметы приближающейся войны.

Символисты всегда призывали глубже заглядывать в суть вещей и событий. Интуиция и предчувствия были для них важнее точного знания и рационального анализа ситуации. И даже если никто из них не делал определенных прогнозов по поводу возможной войны, практически все они постфактум вспоминали о своих ощущениях беспокойства и неизбежности катастрофы. Белый утверждал, что «звуки войны» были слышны еще задолго до 1914 года, что первое предупреждение о грядущем столкновении сил он услышал в стихотворении Блока «На поле Куликовом» (1908) с его скрытой мыслью повторения 1380 года. Свой собственный роман «Петербург» Белый так же рассматривал во многом как пророческий, считал исторически судьбоносным 1912 год. И всё же не стоит преувеличивать способность поэта провидеть сквозь время. В случае с Белым и Блоком всё это были проявления общих эсхатологических настроений и неважно, предчувствия войны или революции и, что гораздо более значимо, возможности спасения или гибели. Неопровержимым фактом для Белого была уязвимость, слабость европейской культуры, но что действительно не могли предвидеть ни он, ни Блок, это непримиримое разделение европейских народов на два враждующих лагеря. Такой актуальный для Белого трепет перед «монгольской угрозой», выраженный в его произведениях буквально или символически, не давал абсолютно никакого объяснения событиям 1914 года и Первой мировой войны. То что и Белый, и Блок неверно истолковывали предвоенные «звуки», становится очевидным по тому, как реальное начало войны привело их обоих в полное замешательство.

Третий «младший символист» Вячеслав Иванов так же впоследствии уверял, что накануне войны был охвачен дурными предчувствиями. Небольшой поэтический цикл «На Оке перед войной» (1914), состоящий из трех «автобиографических» стихотворений, написан за неделю до объявления войны, однако очевидно, что несколько позже автор переработал и актуализировал стихи с целью более ярко выразить ощущение нарастающей тревоги. В стихотворениях цикла проведена параллель между смутными опасениями поэта и состоянием природы перед надвигающейся бурей. Внешнее проявление тревожности ситуации – солдаты, марширующие мимо дачи поэта. За реальными событиями кроются вехи «торжественной Судьбы», отсылка к эпохе исторической борьбы за освобождение родины времен Дмитрия Донского будит патриотические настроения. «На Оке перед войной» неожиданно завершается изображением солдатских могил. Но это совсем не гуманистический протест против ужасов надвигающейся войны, наоборот мирная картина священной гармонии. Жизненный путь завершен,

мать-земля с благословением принимает своих сыновей. Как пророк Иванов так же потерпел неудачу в 1914г.

«Странная тревога» овладевала накануне войны даже Зинаидой Гиппиус, если рассматривать ее стихотворение «У порога» (1913) как автобиографическое. Его лирический герой предчувствует надвигающуюся тьму и человеческую скорбь. Проблема состоит в том, что, по свидетельству Владимира Злобина, в тот период Гиппиус ни разу не единым словом не обмолвилась по поводу возможной опасности войны и откуда ее стоит ждать. Впервые она, как и многие другие, заговорила об этом во Франции в начале весны 1914, тогда уже неизбежность военного конфликта с Германией обсуждали повсюду. Гиппиус смотрела на Германию глазами французов, справедливо видевших в ней угрозу свободе.

Константин Бальмонт заявлял, что еще за много лет до начала войны знал о ее неизбежности, пусть даже никогда и не выражал своих опасений публично. Поэт не пытался усвоить роль провидца, он основывал свои заключения на жизненном опыте и наблюдениях. То, что он сам видел в Германии в предшествующее десятилетие, включая определенное отношение к русским, всё больше убеждало его, что немцы психологически и экономически готовятся к вооруженному конфликту. Война таким образом явилась не результатом невыгодно сложившихся обстоятельств, а «запланированным и хорошо подготовленным убийством».

Начало войны не стать полной неожиданностью и для Дмитрия Мережковского. Не смотря на свою углубленность в идеологию тысячелетнего царства, он прекрасно осознавал опасность, исходящую от вооружающихся стран и националистических тенденций в современной ему Европе. В предвоенной статье «На пути в Эммаус» (1913) он писал: «Дух убийства уже распространяется по всей Европе. Вооруженные люди готовы броситься друг на друга, подобно пьяным мясникам или диким зверям, чтобы развязать бойню, какой еще не видел мир». Гиппиус так же позже признавалась, что весной 1914 года ее мужем овладело необъяснимое подавленное настроение. Сам Мережковский предпочитал говорить о царящей в обществе атмосфере психологической неподготовленности и самообмана: «Странно то, что все мы были слепы, точно новорожденные щенки. Не предвидя абсолютно ничего заранее – ни за день, ни за час, ни за мгновение. Так же, как в дни Ноя перед началом Потопа, мы ели, пили, спорили. И даже когда увидели, всё еще не верили». Белый и Иванов тоже использовали метафору Потопа, но если они причисляли себя к спасенным,

Мережковский видел свое место среди жертв разразившейся катастрофы. Война для него была общечеловеческой трагедией, и путь спасения, поиском которого он занимался, предполагался универсальным.

Весной и в начале лета 1914 года Федор Сологуб предпринял путешествие по Европе, которая вскоре будет охвачена пожаром мировой войны. Стихотворение «Парижские песни» - попытка поэта обобщить свои впечатления от этой поездки. За внешней картиной мирной идиллии маячит тень смутной опасности. Сологуб увидел Европу разделенной, но не по национальному признаку, как это воспринималось Гиппиус или Бальмонт. В его стихах «раб французский иль германский» выжидает момент для начала революции. По сути дела, марксистская идея, хотя Сологуб вовсе не разделял идеологии борьбы рабочего класса за социальную справедливость и расплаты буржуазии за бездумный и паразитический образ жизни. Надежда на грядущее торжество справедливости соединяется со стремлением к нравственному очищению. В свете наступающих событий «Парижские песни» выглядят неосуществившимся пророчеством, но при этом дают очень яркое представление об образе мыслей Сологуба накануне войны. Бывший возмутитель общественного спокойствия превращается в сурового моралиста, для которого современная ему Европа погрязла в безнравственности и разврате. Война в таком ключе становится средством очищения и обновления.

Впоследствии описывая ситуацию начала войны, Сологуб подчеркивал, как и Мережковский, общую атмосферу неподготовленности. На эстонском побережье русские и немцы отдыхали по соседству, и по всей Европе люди были глубоко убеждены, что миру абсолютно ничто не угрожает: «Каждый тихо-мирно жил своей жизнью, как будто у подножия спящего вулкана, не подозревая, что вот-вот начнется извержение. И никто не догадывался, что очень скоро эта мирная жизнь будет сметена стремительным потоком мировых событий». Образ вулкана как апокалиптического символа уже использовался Сологубом в «Творимой легенде». Теперь же поэту представлялось, что извержение неизбежно и что вера в продолжение мирной жизни – непростительная иллюзия. Сологуб берет на себя роль толкователя событий в стремительно закручивающемся на его глазах колесе истории.

Ровно через месяц после выстрела в Сараево Александр Блок записал в дневнике: "Запахло войной (Австрия - Сербия - Россия)". Но в тот момент уже не требовалось особой интуиции, чтобы почувствовать этот "запах" - в прессе постоянно обсуждалась возможность наступления войны. Уже на

следующий день Блок мог прочитать в газете об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии. Россия всколыхнулась в едином порыве солидарности с братским сербским народом, была объявлена всеобщая мобилизация. Германия расценила этот шаг как акт агрессии и 19 июля (1 августа) объявила войну России. Таким образом, Россия оказалась втянутой в войну, в которую в течение всего нескольких дней вступили все ведущие европейские державы.

Начало войны могло оказаться неожиданным, но факт остается фактом: военный конфликт казался predetermined, неизбежным и даже объяснимым. Непосредственная реакция русских символистов на начало войны была очень разной - от ликования и приветствия до уныния и подавленности, от всплеска творческой активности до полного молчания. Столкновение индивидуальных позиций продолжалось довольно долгое время. Полярное отношение к происходящему демонстрировали Сологуб и Белый. Первый превратился в горячего патриота, которого военные события буквально заставляли писать с невероятной творческой энергией, второй фактически ушел в себя, мучимый комплексом вины, и даже на какое-то время потерял способность к литературному творчеству.

С Сологубом произошла поразительная метаморфоза. В стихотворении "На наступающего Бог", написанном через неделю после начала войны, он выражает свое отношение к происходящему в трех емких, но невероятно сильных по своему воздействию строках:

На наступающего Бог!
Вещанью мудрому поверьте.
Кто шлет соседям злые смерти,
Тот сам до срока изнемог.

На наступающего Бог!
Его твердыни станут пылью,
И обречет Господь бессилью
Его, зачинщика тревог.

На наступающего Бог!
Его кулак в броне железной,
Но разобьется он над бездной
О наш незыблемый чертог.

Сологуб занял позицию патриота. Если раньше он старательно оберегал собственный образ поэта-отшельника, то теперь стремиться говорить от лица всего народа. Торжественная интонация, риторический, архаичный стиль.

Избыточный набор общих мест, свойственных поэзии патриотического толка, неизбежно снижает художественную ценность этого и последовавших за ним стихотворений. При этом процитированное стихотворение наглядно свидетельствует о смене самоидентификации Сологуба: представитель декаданса превращается в национального поэта, занятого событиями текущего момента и судьбой России. Основная мысль «На наступающего Бог» - это скрытая евангельская цитата: «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Евангелие от Матфея 26:52). Поэт-символист усваивает для себя роль посредника между высшими сферами и человеком, проводника божественной истины. Пророческий тон стихотворения усилен библейской лексикой и острыми контрастами: «Его твердыни станут пылью». Поскольку Германия и Россия буквально в стихотворении не названы, подчеркивается универсальная, вечная ценность библейской мудрости. И всё же при этом непосредственный смысл стихотворения очевиден: объявившая войну Германия приговорила себя к гибели.

На стороне же русских сам Господь. Надо сказать, что ранее Сологуб имел репутацию в некотором роде сатаниста, его установка выражалась в следующем: Сатана, князь смерти, на самом деле благодетель человечества, а Бог, источник жизни, всего лишь злая сила неизбежности. Теперь эти убеждения в прошлом, без каких бы то ни было колебаний Сологуб провозглашает христианского Бога заступником России в войне против Германии. Это выражается прежде всего рефреном «На наступающего Бог», где взрывное «Бог» разрывается как снаряд, выпущенный во врага, после троекратного напряженного «на» и угрожающе шипящего «щ». Использование топоса «Бог – союзник в войне» выражает стремление поэта раскрыть духовную составляющую происходящих исторических событий. Решающими судьбоносными факторами представляются не военная мощь или стратегия, а идеалистические категории «правда», «истина», «Бог». Разоблачение духовной основы войны не только дает понимание текущего момента, но и грядущей истории.

В тот день, когда российские газеты сообщили об объявлении Германией войны, Валерий Брюсов отозвался комментарием на происходящее в стихотворении «Последняя война»:

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века,
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен поработанных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лёт,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, -
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

В слове «завеса» первой строфе заключена аллюзия на мир театра. Единственный из символистов Брюсов часто использует выражение «театр войны». Выбор метафоры показателен. Как русский патриот Брюсов заинтересован в начале войны, но по сути для него это великое историческое событие, стать свидетелем которого посчастливилось поэту. «Последняя война» показывает, как Брюсов в первом ряду в предвкушении значительнейших перемен наблюдает за развитием этой впечатляющей драмы. Режиссером выступает не конкретная личность или нация, а непостижимый рок. Определяющее значение высшего промысла для

Брюсова отмечалось Ивановым, и обычно бесстрастное отношение поэта к событиям и явлениям, которые он описывает, может быть отчасти объяснено его фатализмом. В отличие от Сологуба Брюсов не признает божественного руководства в событиях войны, и попытки предсказать исход драмы в «Последней войне» выглядят скорее как желаемый сценарий, чем как пророческое знание.

Сологуб приветствовал появление в «Последней войне» слова «преображение». Для него стихотворение Брюсова являлось доказательством того, что среди символистов существует консолидированное восприятие войны. Война как наказание мира, растратившего свою силу, очищение, из которого человечество выйдет преображенным. Всё это присутствует в «Последней войне», но и в то же время стихотворение очень характерно именно для своего автора. Брюсов не был последователем апокалиптической религии, и у него совсем немного произведений, если вообще есть такие, в которых выражаются предсказания о преображенном человечестве будущего. В «Последней войне» упор сделан больше на разрушение, чем на возрождение. Образ рушащихся колонн и сводов будит ассоциации с классической эпохой и падением Римской империи, этот исторический период всегда служил для Брюсова источником вдохновения. В «Последней войне» цивилизация гибнет, но литературный жанр стихотворения совсем не трагедия. Оно демонстрирует воплощение той же самой психологической установки, что и более раннее стихотворение Брюсова «Грядущие гунны» (1905). Поэт с нескрываемым удовлетворением предвкушает разрушение своего собственного мира. В ходе первых месяцев войны с яркой очевидностью предстает противопоставление в сознании Брюсова «гунна» и утонченного представителя западной цивилизации. Если в «Последней войне» выражена радость автора от созерцания охваченной огнем войны Европы, то, например, в стихотворении «Тевтону» можно увидеть негодование и протест против германского варварства, разрушающего шедевры европейской культуры.

Чем объяснить готовность Брюсова, подобно мстительному богу, с наслаждением наблюдать падение Европы «в провал кровавый»? В стихотворении присутствует библейский мотив пира Валтасара, халдейского царя, презревшего божественные пророчества. Подобные аллюзии использованы Брюсовым и в тогда же созданном стихотворении «Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...», в котором старый мир, не достойный сожаления, подобен Атлантиде, готовой погрузиться в океанские глубины. Ложь, обиды, несбывшиеся надежды – все это преступления, которые утопят

древний континент. В «Последней войне» Брюсов поднимает и еще один актуальный для его образа мыслей вопрос, до конца все-таки неоформленный: «Призыв племен поработенных врывается в военный крик». Непосредственная интерпретация этой строки цензурой привела к ее удалению вместе с последней строфой при публикации стихотворения в антологии 1915 года. Что же имел в виду Брюсов? Неужели на самом деле пророчествовал о восстании и революции в России? В политических кругах Германии действительно делали ставку на то, что война разбудит освободительные движения на национальных окраинах Российской империи – в Финляндии, Прибалтике, Польше, но было бы странно приписывать мысли Брюсова такую геополитическую конкретику.

Как мы помним, политические идеалы Брюсова на заре столетия были связаны с усилением Российской империи как одной из ведущих мировых держав. Стихотворение «Орел двуглавый», написанное незадолго до начала мировой войны, показывает, что за десятилетие эти брюсовские чаяния не претерпели значительных изменений. В аллегорической форме разочарованный шовинист высмеивает российского орла, некогда устрашающего и великого, но теперь он, подслеповатый, с подбитыми крыльями, трусливо сидит на скале, уклоняясь от ожесточенных схваток и пугая лишь малых птиц. Из-за открытого упоминания в стихотворении Григория Распутина опубликовать его оказалось возможным только после Февральской революции. Критика Брюсовым печально известного придворного авантюриста естественна для поэта: Распутин был последовательным противником агрессивной внешней политики России, направленной на распространение ее имперского влияния.

Империализм стал темой двух статей «Всемирная война» и «Война вне Европы», опубликованных Брюсовым в первый месяц после начала войны. В них рассматривалась роль в войне европейских колоний. Брюсов в принципе не против европейского колониализма как такового, но признает колониальную политику, только если она принимает во внимание исторические традиции колоний и интересы местного населения. Брюсов, как было показано выше, воспринимал империализм как магистральное направление развития цивилизации в 20-м веке. С этой точки зрения Брюсов смотрит и на Россию как многонациональное государство. По дороге в Варшаву в августе 1914г. он встречает пылких белорусских, литовских и польских националистов и в письме к жене так комментирует их страстные речи: «О! Россия стоит перед лицом великой задачи сплачивания всего этого воедино».

Что же это за «порабощенные» народы, чей «призыв» врывается в «военный крик»? Что это, о чем мечтали «как о чуде»? «Последняя война» была написана, когда независимость Сербии и Бельгии еще не была под угрозой, поэтому скорее всего Брюсов имеет в виду славян, прежде всего, поляков, украинцев и русинов, которые в 1914г. частично или полностью находились под германским или австрийским управлением. В 1903г. Брюсов выражал свои симпатии по отношению к идеям панславизма как естественного синтеза национализма и империализма. «Германской угрозы» было достаточно, чтобы подвигнуть славянские народы к объединению, но еще большее значение для Брюсова имел тот факт, что «славянское разобщение» превращается в анахронизм в век империализма. У России есть историческая миссия, в которой все славянские народы, объединенные происхождением и отчасти религией, призваны сыграть важную роль. В связи с этим можно говорить, что надежда и мечта, о которых идет речь в «Последней войне», имеют отношение в гораздо большей степени к самому Брюсову, чем к тем народам, о которых он говорит в стихотворении. «Преображенный мир», о котором пророчествует Брюсов, таким образом имеет отношение не к духовно просвещенному человечеству, как это мыслится Сологубом, а к вполне возможным реальным изменениям на мировой карте.

Апокалиптическая атмосфера, создаваемая автором в «Последней войне», плохо сочетается с настроением стремления к освобождению порабощенных народов. Ощущение приближающегося конца поддерживается верой в то, что обновление возможно только через разрушение старого. Так же остается неясным, как разрешение национальных вопросов может способствовать установлению вечного мира, наступление которого следует из названия стихотворения. И это в то время как в своей недавней статье «Новая эпоха во всемирной истории» Брюсов предупреждает не о наступлении всеобщего мира, а о долгой череде грядущих военных конфликтов. Единственное возможное объяснение такой перемене в образе мыслей может заключаться в том, что он был убежден: современная война дорастет до такого измерения, в котором разрешатся все существующие конфликты.

Мрачные пророчества «Последней войны» придают стихотворению даже революционное звучание, спасая его от примитивизма рифмованного политического памфлета. Здесь, как и в других произведениях, Брюсов намеренно избегает однозначных и выраженных утверждений. Целью войны для поэта, конечно, является победа, но при этом он ограничивается ролью стороннего наблюдателя и не собирается пользоваться возможностью каким-то образом влиять на свою аудиторию и вдохновлять читающую публику.

По его собственному свидетельству, Константин Бальмонт с огромной радостью встретил известие о начале войны. Война представлялась неизбежной, поскольку Германия в течение нескольких лет готовилась к вооруженному конфликту, и единственный путь отвести угрозу и защитить ценности европейской цивилизации был принять этот вызов:

Лучше выдержать самую страшную, тяжелую битву, принести многочисленные жертвы на алтарь прогресса, чем вечно дышать отравленным воздухом опасности, постоянно, день и ночь, ощущать, что враг рядом, агрессор близко, за стеной, кует, оттачивает свое оружие, грозит, издевается, лжет, мошенничает, ведет себя самым бесстыдным образом.

Возможность поделиться своими чувствами с русской публикой появилась у Бальмонта лишь в мае 1915г., до этого всю осень и зиму он был отрезан от родины линией фронта, но его убеждение, что единственной верный для России шаг - это вступить в войну с Германией, оставалось непоколебимым.

Что касается Вячеслава Иванова, то его первая реакция на начало войны, была более сложной, насколько это можно понять из стихотворений маленького поэтического цикла "Петровское на Оке". Первая часть, отдельно опубликованная в январе 1915г. под названием "Минувшее лето", передает эмоциональную реакцию поэта на известие о начале войны:

Забуду ль в роковые дни
Взрастившего злой колос лета
Семьи соседственной поэта
Гостеприимные огни?

Мы вместе зажигали свечи
И выносили образа,
Когда вселенская гроза
Семью громами издалече

Заговорила... И во мне
Навек жива взаимность эта,
Как соучастие обета
Спасенных на одном челне.

Очевидно, возможно провести параллель между "Петровским на Оке" и стихотворением Александра Блока "Да. Так диктует вдохновенье..." (1911, опубликовано в 1915г.). Но у Блока "великая гроза" относится к грядущим, спасительным, социальным катаклизмам, а у Иванова гроза - метафора войны. В этом Иванов не оригинален, но сочетание с прилагательным "вселенская" подчеркивает метафизическое значение происходящих

событий. Еще одна важная метафора стихотворения "злой колос" относится к роковым дням лета 1914г. Для произведений Иванова довоенного периода вообще очень характерна сельскохозяйственная метафорика: сеянье, урожай, девственная земля, колосающиеся поля. Подобные выразительные средства эксплицируют идею предопределенности войны столкновением божественной воли и человеческих действий, а также смысл органичности происходящих катаклизмов и перемен. Тем не менее, мысль о том, что такие перемены могут быть зловещи и губительны, прослеживается, пожалуй, только в "Петровском на Оке".

Наметившийся разлом между личной и общественной жизнью выражается в стихотворении с помощью междустрочного переноса предложений. Приближающаяся гроза несет опасность, тьма сгущается над землей, и поэт ищет прибежища в чувстве духовного единения со своими соседями (в реальной жизни это поэт Юргис Балтрушайтис и его жена, им посвящено стихотворение). Челн жизни, утлый и уязвимый, на который всходит Иванов, это Ноев ковчег, метафора, к которой часто прибегает Белый в Дорнахе, но в своем наполненном затаенной паникой стихотворении Иванов преодолевает собственную тревогу и переходит из сферы личного смятения в область абстрактных идей. Иванов видел в поэзии общественное дело, преодолевающее всё личное, индивидуальное, это его программная установка, которой он следовал в своем творчестве, в том числе и на протяжении всего военного периода.

Даже если предположить, что общее политическое напряжение ощущалось и во Франции весной 1914г., начало войны стало всё же полной неожиданностью для Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Они были единственными среди символистов, кто отрицал саму идею войны задолго до наступления 1914 года, и этот универсальный взгляд определил их непосредственную реакцию на события июля 1914г. Война представлялась им организованным коллективным самоубийством повредившегося в уме человечества. Это для них суть любой войны, изменить которую ни в состоянии никакие хоть сколько-нибудь убедительные аргументы. «Правильно ли это – вступать в войну? Может ли война быть справедливой? Каково значение войны? Абсолютно неважно, каков ответ на эти вопросы, ужас остается ужасом», - писал Мережковский. Война не может породить никаких позитивных явлений, и если смотреть в будущее, Гиппиус предвидит в нем только террор. В «военных афоризмах», которые Мережковский публикует в августе, его надежды связываются с миром, а не с войной: «Мир – неизбежность, война – это нечто случайное». Его

последний афоризм взят напрямую из Библии, о том, как люди будущего перекуют мечи на орала, и копья - на серпы (Ис. 2:4). Мережковский по-прежнему верен утопиям христианского толка и беспокоится не столько о судьбе России, сколько об идеальном пути всего человечества.

Ближе всех из символистов к такому восприятию войны Андрей Белый. Он передает живую картину того дня, когда обитатели Дорнаха получили известие о начале войны:

Дни стояли душные и жаркие, гнетущие, полные угрозы; телеграммы оживленно обсуждались; швейцарцы, немцы, австрийцы, поляки спорили друг с другом; звучали возбужденные молодые голоса, смех, никто не хотел верить в то, что начнется война; но вот она началась. День клонился к вечеру, закат был темно-красным, горы Альсака отсвечивали розовым; вдруг пришло известие: война не смотря ни на что. Как отчетливо я это помню: мой друг, черноусый, статный баварец прибежал ко мне в возбуждении, пожал мне руку и проговорил с улыбкой: «Мы что же, теперь враги?». Не говоря ни слова, я ответил на его рукопожатие (...)

Своеобразие жизненной ситуации Белого в 1914 году – это та интернациональная атмосфера, в которой он находился в Дорнахе. В штейнерианской колонии были представлены все национальности вступивших в войну государств. Надо отметить, что приверженцы антропософии не исповедовали никакой особой пацифистской идеологии, многие из них вскоре после начала войны покидают Дорнах, чтобы так или иначе принять участие в военных действиях. В том числе и поэтому рукопожатие русского Андрея Белого и немца Штрауса имеет глубоко символическое значение. Враждующие народы состоят из отдельных личностей, среди которых есть и те, кто воспринимает войну как трагедию и склонен к альтруистическому образу мысли. Штраус принимал участие в войне в составе организаций, занимающихся судьбой военнопленных и с помощью Белого быстро овладел несколькими русскими фразами, необходимыми ему для общения с попавшими в немецкий плен русскими. Белый не последовал примеру своего немецкого друга, но большую часть войны всё же оставался верен тому первому инстинктивному проявлению интернационализма. В анализе причин войны отправной точкой для него было убеждение, что ответственность за трагедию должны разделить все народы и что любое разделение между Германией и Россией носит поверхностный характер.